

К ВОПРОСУ О ПЕРЕОСМЫСЛЕНИИ ДИХОТОМИИ «РАЗУМ-ТЕЛО»: ОТ ПРОСВЕЩЕНИЯ К НЕМЕЦКОМУ РОМАНТИЗМУ

Тетяна Тесленко

*Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта
имени академика В. Лазаряна*

Испытывая мощное влияние романтизма, западная «Теория» пытается решить проблемы, выявленные романтизмом, начиная с самого парадоксального тезиса постмодерна: «Единственное лекарство от постмодернизма – это неизлечимая болезнь романтизма». Немецкий романтизм столь важен в своей взаимосвязи с разными стилями в разные эпохи, столь диаметрально противоположными как Возрождение, Просвещение или постмодернизм. Популяризируя разум, философы Просвещения приносят акцентуализацию ключевых оппозиций: «разум-эмоции», «разум-воображение», «разум-интуиция». Важно то, что в романтизме на первый план выходит чувственная сторона бытия, совершая реверс в просвещенческих дихотомиях с фокусом внимания на эмоциональности, созерцательности, пассивности, воображении и фантазии, что, «по определению», соответствует феминному началу. В то же время идеал независимой женщины, возникший в философско-литературном творчестве немецких романтиков, нанес удар по эссенциалистскому мышлению, дав возможность рассматривать женщину в качестве равного – возможно, и более высокого – человеческого существа.

Ключевые слова: бинарные оппозиции, воображение, рационализм, сексуальность, феминность, чувственность.

Тесленко Тетяна. До питання про переосмислення дихотомії «розум-тіло»: від Просвітництва до німецького романтизму

Визнаючи могутній вплив романтизму, західна «Теорія» намагається вирішити проблеми, виявлені романтизмом, починаючи з найпарадоксальнішої тези, а саме: «Єдині ліки від постмодернізму – це невиліковна хвороба романтизму». Німецький романтизм такий важливий саме в своєму зв'язку з різними стилями в різні епохи, так диаметрально протилежними як Відродження, Просвітництво або постмодернізм. Популяризувавши розум, філософи Просвітництва приносять акцентуалізацію таких опозицій, як «розум-емоції», «розум-уявлення», «розум-інтуїція». Важливо те, що у романтизмі на перший план виходить плотська сторона буття, здійснюючи реверс в просвітницьких дихотоміях, акцентуалізуючи емоційність, споглядальність, пасивність, уяву і фантазії, що «за визначенням» відповідає фемінінним витокам. У той самий час ідеал незалежної жінки, що виник у філософсько-літературній творчості німецьких романтиків, завдав удару по есенціалістському мисленню, що надав можливість розглядати жінку як рівну – можливо, й вищу – людську істоту.

Ключові слова: бінарні опозиції, раціоналізм, сексуальність, уява, фемінінність, чуттєвість.

Teslenko Tetyana. Rethinking of the dichotomy «mind-body»: from the Enlightenment the German Romanticism

Being under the powerful impact of Romanticism, the Western «Theory» tries to solve the challenges of Romanticism; Nowadays the most paradoxical one is expressed in the sentence: «The only cure for postmodernism is the incurable illness of romanticism». The German Romanticism is very important especially in its inter connection with different movements, schools and styles such as Renaissance, the Enlightenment or postmodernism.

With its focus on the mind, the Enlightenment accentuates such binary oppositions as «mind-emotions», «mind-imagination», «mind-intuition». In Romanticism, the sensitive aspects of human beings are in the focus of philosophers, poets and writers. It is important that sensual part of being comes out on the first plan in Romanticism, making reverse in educational dichotomy focusing its attention on emotionality, contemplation, passivity, imagination and fantasy which according to definition corresponds to feministic origin. Thus, the reverse bias is made with the accentualization of emotions, passivity, contemplation, imagination, – which is traditionally linked with femininity. At the same time the ideal of the independent woman created in German Romanticism made a strike on the essentialism and gave the possibility to represent woman as a human being with her own specific features and qualities.

Key words: binary oppositions, rationalism, imagination, femininity, sexuality, sensibility.

Немецкий романтизм как доминирующее интеллектуальное движение в философии, искусстве культуре, в целом (Ф. Шлегель, А. Шлегель, Г. Новалис, Л. Тик, Ф. Шеллинг, Ф. Шлейермахер), в значительной степени ориентируясь на идеи и идеалы Просвещения, одновременно достаточно жестко репрезентирует свое отрицательное отношение к Просвещению, критикуя его теоретиков за недостаточное внимание к действительно важным сторонам характера человека, за неудачу в оценке таких граней жизни человека, как любовь, эмоциональные связи, красота, общая вера,

взаимное доверие и т.п. Романтики уверены: Просвещение с его эмфазой на разуме, абстрактных принципах и правах, недооценивая ключевые аспекты человеческого существования, выпускают их из вида в сомнениях своих мыслителей и писателей [16, с. 269]. Сама по себе неразрывная связь между философией и искусством в немецком романтизме также представляет собой весьма интересную проблему в русле критических теорий постструктурализма и деконструкции. Важно также то, что философия немецкого романтизма частично совпадает в своей проблематике с гендерными исследованиями

конца XX – начала XXI вв. в их взаимном фокусе на концепте субъекта и его/ее субъективной свободе [17].

Романтизм, в целом, достоин и сегодня пристального внимания, поскольку именно он на протяжении двух веков преобразовывал западную философию, литературу, культуру множеством способов и приемов; более того, лишь относительно недавно западная философия и культура, действительно, отошли от парадигмы романтизма. Мы до сих пор испытываем мощное влияние романтизма, пытаемся решить проблемы, выявленные романтизмом. Воздействие и более давних эпох, например, Возрождения, воспринимается через романтизм, постмодернизм конца XX – начала XXI вв. также рассматривается сквозь призму романтизма («The only cure for postmodernism is the incurable illness of romanticism»). Анализ особенностей романтизма и сегодня представляет значительную трудность, и в этом также заключается актуальность данной работы с ее задачей – и теоретической, и методологической – попытаться дать ответы на определенные, сугубо специфические, вопросы романтизма.

Цель исследования состоит в экстраполяции тех идей, концептов и методологических приемов Просвещения, которые немецкие романтики – философы и писатели – репрезентировали в своих научных трактатах и художественных произведениях.

Как аксиома воспринимается сегодня утверждение о том, что немецкие романтики совершили революцию и в художественной мысли, и в мироощущении своего времени, революцию не только в искусстве, но и во всей культурной жизни европейских стран: романтизм нашел новую точку отсчета, начав с личности, с человеческого духа, который «диктует свои законы всему сущему» [3, с. 83–84]. Как отмечают ученые, определяющими для романтизма стали такие черты, как отрицание логоцентризма, культ разума, введение в философию идеализма, апология личности, утверждение «аристократизма духа» [11, с. 350]. Исследователи обращают внимание на решение конфликта природного и антропогенного миров, оборачивающихся конфликтом хаоса и порядка. Природа у романтиков – это рациональное преодоление дихотомий «дух-материя», «конечное-бесконечное»; это слияние, синтез того и другого [14, с. 93]. Рассматривая категорию души в «новой науке» Просвещения, ученые подчеркивают, что принципиальной проблемой в Просвещении стоит размежевание с психологическими идеями, которые разрабатывались прежней метафизикой. Если «Душа» в эпоху Просвещения усилиями Гольбаха,

Вольтера, Ламетри как понятие было вычеркнуто из лексикона французских материалистов [7, с. 109], то в немецком романтизме происходит очевидный пересмотр классических дихотомий «дух-природа», «рациональное-иррациональное». Немецкие романтики противопоставляют рационализму Просвещения культ чувств и творческого экстаза поэта, который понимает природу глубже, чем ученый. Воспринимая природу, утверждают апологеты романтизма, человек познает самого себя [3, с. 217]. Немецкие романтики, ориентируясь на идеи Просвещения, настаивают на необходимости обретения самости каждым индивидом; ориентируясь на идеал андрогинности в понимании человека, представители романтизма утверждают бесконечные возможности человеческой души [5, с. 94].

Литература как уникальный источник знаний о личности и обществе является привилегированным материалом в исследованиях многих немецких романтиков, подчеркивают критики [3; 1; 8; 4]. Необходимо заметить: в конце XX в. интерес к феминистской философии в целом обострил интерес к женской проблематике, что в свою очередь вызвало ряд совместных проектов российских и немецких исследователей-феминистов [13]. Точкой соприкосновения этих феминистских исследований является стремление проанализировать место женщины в патриархальных структурах общества; свидетельством успешных совместных работ являются философские, литературные, исторические тексты, напечатанные в последние годы (Р. Хоф, Э. Шоре, К. Хайфер, А. Кирилина, Л. Маслова, В. Эрих-Хэфели и др.). И здесь главная проблема – это преодоление доминирующей бинарности «дух/разум-тело». Преодоление иерархической модели мышления широко представлено в феминистской философии и в гендерных исследованиях конца XX–начала XXI вв. (Дж. Батлер, К. Уитбек, Ж. Ллойд, Э. Джаггар и многие другие).

На протяжении последнего столетия ученые не раз выступали за пересмотр традиционной оценки романтизма (Т. Элиот, Т. Хьюм и др.). Среди специальных литературных проблем на материале романтизма выделяются проблемы немецкого и английского романтизма, соотношение рационального и иррационального, анализа и вдохновения, критики и литературы (Р. Уэллек, Т. Элиот и др.). Безусловное влияние немецкого романтизма на мировую литературу признается, как правило, всеми критиками. Отмечая отличие немецкого романтизма от английского, ученые подчеркивают собственно философское наполнение произведений немецких романтиков: «Когда случалось стоять над этим

магическим котлом германскому поэту, он чаще всего не переставал мыслить, обобщать, творить для человечества» [12, с. 280]. В своей «Литературной биографии» С.Т. Кольридж посвятил целую главу испытанному им воздействию Канта, Фихте, Шеллинга, и, хотя этот вопрос в литературной критике является достаточно запутанным, исследователи полагают, что он двигался в русле, предложенном немецкой классической философией и немецкими романтиками [12, с. 286]. В построении своей теории характера творчества Кольридж также использовал идеи Шеллинга. Возникновение поэтического произведения рассматривалось им как результат совместного действия первичного и вторичного воображения (плюс фантазия), как результат синтеза сознательного с бессознательным, духа с природой. Здесь также отмечается явное влияние немецких романтиков, переход от Канта к Шеллингу. Шеллингианским являлось и его учение о поэтической истине, для Кольриджа оно означало раскрытие религиозных тайн, и, следовательно, поэт приравнивался к пророку, религиозному наставнику человечества [12, с. 287].

В подобном ключе исследователи трактуют концепции А.В. Шлегеля, полагавшего основой романтизма постоянное стремление человека к бесконечному, христианское стремление к абсолютному, что также является идейной основой двойственности в романтизме [15].

Умонастроения романтиков наиболее ярко отражаются в повести Г. Новалиса «Ученики в Саисе» (многие исследователи называют это произведение философским трактатом) [10, с. 38]. Новалис развивает свое философское представление о природе не только как абсолютной реальности, но и игре ума, воображения, сновидения. По Новалису, природа не открывается человеку; путями проникновения в тайны природы без нарушения первоначальной гармонии являются поэзия и искусство. В контексте таких размышлений Новалисом развивается мысль о сущности человеческого счастья и любви. Повесть «Ученики в Саисе» содержит притчу о юном Гиацинте, который хочет открыть сокровенные тайны Бытия, и с этой мыслью Гиацинт отправляется на поиски «Матери всех вещей». Розенблют, его возлюбленная, после долгих скитаний Гиацинта встречает его в Саисе, отбросив ее покрывало в храме Исиды, Гиацинт с удивлением обнаруживает свою Розенблют. Таким образом, идея притчи в том, что тайны бытия скрыты в простом чувстве любви, то есть дихотомия «разум-эмоции» не только разрушается Новалисом, но и подвергается реверсу. Г. Новалис не только снимает жесткую поляризацию, но и предлагает тут выход за

«рамки» бинарных оппозиций, в данном случае, оппозиции разум/дух-природа/эмоции.

В целом история тела в культуре опровергает узко рационалистическое понимание человека и заставляет дополнить традиционный набор телесных качеств новыми духовными константами, определяющими порядок душевных переживаний. В философии Просвещения разум является как бы «надстройкой» над чувственной сферой человеческого бытия. Принципиально важным для нашего исследования является то, что в эпоху Просвещения изменяется расстановка акцентов бинарной оппозиции «разум-тело». Хотя, бесспорно, разум выступает в философии Просвещения как высшая инстанция, в то же время предполагается, что телесное начало, «чувственность», является важным фактором, позитивно воздействующим на разум. В отличие от философии Отцов Церкви чувственность не рассматривается в Просвещении как препятствие на пути Разума, задача индивида – скорее не подавлять чувства, а управлять ими с помощью разума [9].

Идея соединения духа и тела, рационального и чувственного, культуры и природы составляет антропоцентрический характер философии многих мыслителей Просвещения (П.А. Гольбах, Й.Г. Гердер и др.). Интересно, что Й.Г. Гердер, не полностью разделяя духовное и естественное, предвосхищает тенденции постструктуралистов конца XX в., отвергающих бинаризм в силу множества «промежуточных позиций». У Гердера человек стоит на границе двух «царств» – царства природы и царства гуманности (т. е. культуры). Для Гердера цель человеческого существования заключается в воспитании гуманности, а все низшие жизненные потребности лишь служат ей, – таким образом, гуманность, по Гердеру, заложена в природе [6, с. 131].

Затрагивая же преобразования, которые были привнесены Просвещением в немецкую культуру этого периода, то есть в культуру романтизма, нельзя не затронуть вопрос сексуальности, и здесь, «классические философы» были консервативны в отличие от «революционеров» – романтиков. Для Гегеля, например, контакты с женщинами и их идеями проходили в обстановке Йенского кружка романтиков, в который входили братья Шлегели, Новалис, Шлейермахер и Шеллинг. Как известно, Йенский кружок возник на почве дружеских отношений и литературного сотрудничества мужчин, но одним из самых влиятельных его членов была женщина – Каролина Шлегель (принято считать, что именно Каролина является прототипом героини в «Люцинде»). Гегель жил в одном доме с Каролиной и Шеллингом с 1801 по 1803 гг., и, как пишет С. Бенхабиб, Гегелю не нравилось то, что он видел. После смерти

Каролины он писал госпоже Нитхаммер: «Я тысячу раз целую прекрасные ручки наилучшей из женщин. Пусть Господь Бог даст ей долгую жизнь, ... в десять раз больше, чем женщине, о смерти которой мы недавно здесь узнали [Каролина Шеллинг], о которой некоторые поговаривали, что ее прибрал сам Сатана» [2, с. 196]. Жизнь Каролины была для Гегеля примером того, какое негативное влияние для женщин могло иметь Просвещение, и существование таких женщин, как Каролина, крайне настораживало Гегеля в его мыслях о грядущем «гендерном равенстве».

Если И. Фихте был убежден, что мир существует и воспроизводится благодаря мощному и самодостаточному маскулинному началу, именно человек – мужчина своей продуктивной деятельностью вносит в жизнь и в мир природы порядок, гармонию, смысл, то романтизм с маскулинностью как объектом своего внимания утверждает недостаточность устоявшихся штампов и стереотипов относительно способов самоутверждения человека/мужчины в мире вокруг него. Романтик как человек переходного периода не мог быть натурой героической. В новом контексте на первый план выходят пассивность, внутренняя сосредоточенность и созерцательность, – во многом, стереотипно женственные черты характера человека как природы «слабой и чувствительной». В русле сопоставления Просвещения и романтизма, возможно с измененной акцентуализацией, необходимо все же подчеркнуть противоположность романтизма теоретическим установкам эпохи Просвещения. Если в последнем доминировал рационализм и сосредоточенность на науке, критическом и аналитическом познании, то в романтизме приоритетная роль отводится «чувственной» стороне человеческого бытия, силе творческого воображения, фантазии и интуиции при общем фокусе на тезисе о решающем значении в духовной культуре искусства. Жизнь без чувств, по сути для романтиков не являлась жизнью, именно поэтому романтики занимались творчеством не только литературным, но и «жизненным»: поэтическое воображение должно создавать нечто принципиально новое, не бывшее в природе. Жизнь, лишенная чувственности, оказывается у романтиков лишенной всех чувственных нитей вселенской жизни – любви, радости, праздничной жизни – «по определению», атрибутов женственности. Здесь целесообразно подчеркнуть полную противоположность мировоззренческих установок протестантизма с его этикой долга и трудолюбия «эстетике праздности» Ф. Шлегеля, который пророчествовал о наступлении такой эпохи, когда «прилежание и польза» начнут терять свое

центральное положение в жизни человека, уступая место свободному времени, беззаботности и бездеятельности, мышлению и поэтическому творчеству.

Возвращаясь к Йенскому кружку и Каролине Шлегель, обладавшей «невероятным влиянием» на братьев Шлегель, бывшей вдохновительницей образов многих литературных героев Ф. Шлегеля, а также его взглядов на женщин, брак и свободную любовь, необходимо вновь вспомнить о том, что именно она являлась прототипом героини в повести Шлегеля, представляющей собой оду любви как союзу, приносящему и духовное, и физическое наслаждение. Эта любовь не нуждается в религиозной санкции (Люцинда еврейка), ни в формальной гражданской церемонии, и эта настоящая любовь взаимна и совершенна. «Люцинда» – это критический текст, противопоставляющий подчиненному положению женщин и лицемерному сексуальному поведению того времени утопический идеал истинной любви как совершенного единения двух независимых существ [2, с. 197]. Однако большинство критиков соглашается, что эта повесть не является нарративом о женской эмансипации. Письма отражают развитие Юлиуса как мужчины, его продвижение от состояния, когда сексуальное желание не связано с уважением или признанием равенства женщины, к достижению полного уважения, товарищеских отношений, дающих и духовное, и сексуальное удовлетворение, а женщины представлены как идеализированные спутницы мужчины в их духовном становлении.

В своих более ранних произведениях («О женских характерах у греческих богов» и «О Диотиме»), созданных после знакомства с Каролиной Шлегель – Шеллинг и написанных под огромным влиянием ее личности Ф. Шлегель развивает тезис о том, что греческая цивилизация процветала в прямой зависимости от того, какую степень равенства она предоставляла женщинам. Шлегель подчеркивает, что неравенство между мужчинами и женщинами ведет к бифуркации человеческой личности, в результате чего мужчины лишаются «невинности, милосердия в любви», а женщины – «независимости» [2, с. 198]. На фоне взглядов Шлегеля широко известно мнение Гегеля об Антигоне, представленное в «Феноменологии духа», репрезентирует проблему совершенно с иной стороны. В своей интерпретации Гегель не просто представляет более точный в историческом отношении анализ, он лишает романтиков идеала, утопического мышления, без которых романтизм уже не романтизм.

Более глубокое раскрытие своеобразия немецкого романтизма как формы выражения

женственного начала предполагает обращение к вопросу о роли и содержательных аспектах понятия природы. Последнее, как представляется, требует отдельного исследования.

Высоко оценивая роль человека, философы Просвещения видят его основу видят его основу в рациональном поведении, при этом дихотомия «разум-тело», «культура-природа», «рациональное-иррациональное» становятся ключевыми становятся ключевыми в философском дискурсе Просвещения. Однако, популяризируя разум, философы Просвещения привносят акцентуализацию таких оппозиций, как «разум-эмоции», «разум-воображение», «разум-интуиция», что позволяет утверждать следующее: просвещенческая модель дихотомии духа/разума и тела, безусловно, не изменяя саму оппозицию, принципиально отличается от предшествующей модели. В романтизме приоритетная роль отводится чувственной стороне человеческого бытия, силе творческого воображения, фантазии и

интуиции, эмоциям и иррационализму. Романтик уже не является натурой мужественной и героической. На первый план, например, у Шлегеля, выходят пассивность, эмоциональность, созерцательность, что в теоретическом патриархатном мышлении тождественно фемининному началу и представляет характер человека как природы чувственной, а потому слабой. В то же время приоритетная роль чувственной стороны бытия, творческого воображения значительно ослабила эмфазу просвещенческого рационализма. Важно подчеркнуть: идеал независимой женщины, возникшей в философско-литературном творчестве романтиков нанес удар по эссенциалистическому мышлению и дал возможность рассматривать женщину в качестве равного с мужчиной существа, обладающего особенными эстетическими и духовными свойствами.

Список использованных источников

1. Айрапетова В.А. Новалис и Гессе: от романтизма к неоромантизму / В.А. Айрапетова // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 2. – С. 307–318.
2. Бенхабиб С. О Гегеле, женщинах и иронии / С. Бенхабиб // Феминистская критика и ревизия истории политической философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 182–203.
3. Ботникова А.Б. Немецкий романтизм: диалог художественных форм / А.Б. Ботникова. – М.: Аспект Пресс, 2005. – 352 с.
4. Вайнштейн О.Б. Язык романтической мысли: О философском стиле Новалиса и Фридриха / О.Б. Вайнштейн. – М.: РГГУ; ИВГИ, 1994. – 80 с.
5. Власова Т.И. Формирование гендерных стереотипов в западноевропейской философии / Т.И. Власова. – К.: Генеза, 2006. – 296 с.
6. Гердер Й.Г. Идеи к философии истории человечества / Й.Г. Гердер. – М.: Наука, 1977. – 703 с.
7. Голованов Б.Д. Идеология как феномен французского Просвещения и ее философские истоки / Б.Д. Голованов // Актуальні проблеми духовності. – Кривий Ріг, 2006. – С. 104–113.
8. Епанчинцев В.В. Ирония Фридриха Шлегеля как эстетико-философский проект / В.В. Епанчинцев // Омский научный вестник. – 2014. – № 1. – С. 101–103.
9. Зімар'ова Ю.В. Антропологія як концепт філософії Просвітництва / Ю.В. Зімар'ова // Грані. – Д.: 2015. – № 7 (123). – С. 79–82.
10. История всемирной литературы: в 9 т. Т. 6. – М.: Наука, 1989. – 880 с.
11. Ковалів Ю.І. Літературознавча енциклопедія: у 2 т. Т. 1: А–Л / Ю.І. Ковалів. – К.: Академія, 2007. – 214 с.
12. Морозов М.М. Образы романтизма / М.М. Морозов // Кольридж. Контекст–1980.

References

1. Ajrapetova V.A. Novalis i Gesse: ot romantizma k neoromantizmu / V.A. Ajrapetova // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Puškina. – 2015. – # 2. – S. 307–318.
2. Benhabib S. O Gegele, ženšinah i ironii / S. Benhabib // Feministskaâ kritika i reviziâ istorii političeskoj filosofii. – M.: ROSSPËN, 2005. – S. 182–203.
3. Botnikova A.B. Nemeckij romantizm: dialog hudožestvennyh form / A.B. Botnikova. – M.: Aspekt Press, 2005. – 352 s.
4. Vajńštejn O.B. Âzyk romantičeskoj mysl: O filosofovskom stile Novalisa i Fridriha / O.B. Vajńštejn. – M.: RGGU; IVGI, 1994. – 80 s.
5. Vlasova T.I. Formirovanie gendernyh stereotipov v zapadnoevropejskoj filosofii / T.I. Vlasova. – K.: Geneza, 2006. – 296 s.
6. Gerder J.G. Idei k filosofii istorii čelovečestva / J.G. Gerder. – M.: Nauka, 1977. – 703 s.
7. Golovanov B.D. Ideologijâ kak fenomen francuzskogo Prosvěšeniâ i ee filosofskie istoki / B.D. Golovanov // Aktual'ni problemi duhovnosti. – Krivij Rig, 2006. – S. 104–113.
8. Epančincev V.V. Ironijâ Fridriha Šlegelâ kak èstetiko-filosofovskij proekt / V.V. Epančincev // Omskij naučnyj vestnik. – 2014. – # 1. – S. 101–103.
9. Zimar'ova Ū.V. Antropologijâ âk koncept filosofii Prosvitnictva / Ū.V. Zimar'ova // Granì. – D.: 2015. – # 7 (123). – S. 79–82.
10. Istoriâ vsemirnoj literatury: v 9 t. T. 6. – M.: Nauka, 1989. – 880 s.
11. Kovaliv Ū.Î. Literaturoznavča enciklopedijâ: u 2 t. T. 1: A–L / Ū.Î. Kovaliv. – K.: Akademiâ, 2007. – 214 s.
12. Morozov M.M. Obrazy romantizma / M.M. Morozov // Kol'ridž. Kontekst–1980. Literaturno–teoretičeskie issledovaniâ. – M.: 1981. – S. 274–282.

- Литературно–теоретические исследования. – М., 1981. – С. 274–282.
13. Пол Гендер. Культура. Фрайбургский университет / Пол Гендер. – М. : РГГУ, 2009. – 530 с.
14. Поршнева А.С. «Щелкунчик» Э.Т.А. Гофмана и ранний немецкий романтизм / А.С. Поршнева // Филологический класс. – 2016. – № 3 (45). С. 91–97.
15. Шуляр В.І. Німецький романтизм: соціально–історичні передумови виникнення та методичні стратегії вивчення / В.І. Шуляр, Н.В. Мелінчук // Наукові праці. – М. : 2010. – Т. 136. – Вип. 123. – С. 124–130.
16. Kleingeld P. Romantic Cosmopolitanism: Novalis's «Christianity of Europe» / P. Kleingeld // Journal of the History of Philosophy. – 2008. – Vol. 46, № 2. – P. 260–284.
17. Simpson P.A. The Erotics of War in German Romanticism / P.A. Simpson. – Lewisburg : Bucknell University Press, 2006. – 293 p.
13. Pol Gender. Kul'tura. Frajburgskij universitet / Pol Gender. – М. : RGGU, 2009. – 530 s.
14. Poršneva A.S. «Šelkunčik» È.T.A. Gofmana i rannij nemeckij romantizm / A.S. Poršneva // Filologičeskij klass. – 2016. – # 3 (45). S. 91–97.
15. Šulâr V.Î. Nîmec'kij romantizm: sociâl'no–îstoričnî peredumovi viniknennâ ta metodičnî strategii vivčennâ / V.Î. Šulâr, N.V. Melinčuk // Naukovî pracî. – М. : 2010. – Т. 136. – Vip. 123. – S. 124–130.
16. Kleingeld P. Romantic Cosmopolitanism: Novalis's «Christianity of Europe» / P. Kleingeld // Journal of the History of Philosophy. – 2008. – Vol. 46, # 2. – P. 260–284.
17. Simpson P.A. The Erotics of War in German Romanticism / P.A. Simpson. – Lewisburg : Bucknell University Press, 2006. – 293 p.

Відомості про авторів:**Тесленко Тетяна Вікторівна**

c.spas.dp@i.ua

Дніпропетровський національний університет
залізничного транспорту імені академіка В. Лазаряна
вул. Ак. Лазаряна, 2, м. Дніпро,
49010, Україна

doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i10.2412>*Надійшла до редакції: 15.09.2017 р.**Прийнята до друку: 20.10.2017р.***Рецензент:**

доктор філософських наук,
професор Білогур В.Є.

Information about the authors:**Teslenko Tetyana Viktorivna**

c.spas.dp@i.ua

Dnipropetrovsk National University of Railway
Transport
named after academician V. Lazaryan
2 Lazaryana St., Dnipro,
49010, Ukraine

doi: <http://dx.doi.org/10.7905/vers.v0i10.2412>*Received at the editorial office: 15.09.2017.**Accepted for publishing: 20.10.2017.***Reviewer:**

Doctor of Philosophical Sciences,
Professor Bilogur V.E.